

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МЕТАМОДЕРНИЗМА

Д. Б. Поляков

*Забайкальский институт железнодорожного транспорта – филиал
Иркутского государственного университета путей сообщения*

Поступила в редакцию 2 февраля 2020 г.

Аннотация: в статье предпринимается попытка вычленения и анализа социально-политической проблематики метамодернизма – набирающего популярность течения в исследованиях современной культуры, которое заявляет о себе в качестве альтернативы постмодернизму. Посредством метафоры маятника метамодернизм фиксирует колебание между правым и левым политическими дискурсами, авторитарными и антиавторитарными тенденциями. Также имеют место констатация очередной трансформации капитализма и анализ его культурной логики. Тем не менее метамодернизм остается не достаточно артикулированным политически из-за принципиально сторонней, наблюдательной позиции его теоретиков, в связи с чем в настоящей статье и представлена своеобразная рефлексия на вынесенную в заглавие тему.

Ключевые слова: метамодернизм, постмодернизм, политика, пост-правда, авторитаризм, постанархизм.

Abstract: the article attempts to isolate and analyze the socio-political issues of metamodernism, which is gaining popularity in contemporary culture studies, and which declares itself as an alternative to postmodernism. Through the metaphor of the pendulum, metamodernism captures an oscillation between left-wing and right-wing political discourses, authoritarian and anti-authoritarian tendencies. There is also a statement of the next transformation of capitalism and an analysis of its cultural logic. Nevertheless, metamodernism remains not sufficiently articulated in political way because of the fundamentally third-party, observant position of its theorist. That is why this article presents a kind of reflection on the topic in the title.

Key words: metamodernism, postmodernism, politics, post-truth, authoritarianism, postanarchism.

58

Конец эпохи постмодерна и постмодернизма как его общекультурного отражения объявлялся неоднократно на протяжении последних двух десятков лет и даже больше. Подобным декларациям, мотивированным усталостью от постмодернистского цинизма с его беспринципной иронией, закономерно сопутствовали разработки альтернативных философских и культурологических концепций, поиски новых языков, которые могли бы адекватно описать изменяющуюся реальность, отличительные характеристики XXI в. Все эти концепции и языки описания принято объединять под термином «постпостмодернизм», который можно сравнить с указателем о наличии освободившегося, вакантного пространства, которое при наличии достаточного концептуального багажа может быть занято или арендовано.

Одним из претендентов на это гегемонистское пространство в сфере культуры и философии становится набирающая некоторую популярность, в том числе в России, концепция (теория, направление) метамодернизма. В конце 2019 г. на русский язык был переведен и издан сборник статей «Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма». Ранее был создан русскоязычный интернет-журнал о метамодернизме, редакция которого в 2015 г. опубликовала перевод «Заметок о метамодернизме» Р. ван ден Аккера и Т. Вермюлена. Именно с именами последних часто и ассоциируется метамодернизм, под их же редакцией вышел упомянутый сборник.

Поскольку в наши задачи входит рассмотрение этой концепции не всесторонне, а лишь одного из ее аспектов, то описательная составляющая будет минимальной. Это объясняется и тем, что обзор, анализ и критика метамодернизма в целом имеют место в соответствующих публикациях, которые можно найти в Интернете, – примером такой публикации, в частности, может послужить статья А. В. Павлова [1]. Мы же постараемся выявить соотносительность метамодернистского дискурса с настоящим и будущим политики, если при этом условимся допустить, что данный дискурс реально отражает и отражается в современности, а сам метамодернизм более содержателен в сравнении с другими концепциями и языками описания времени. Статус метамодернизма, несмотря на его популярность, пока еще не определен, ведь кроме того, что у постмодерна существуют и другие преемники (диджи-, авто-, гипер- и прочие модернизмы), некую статусную определенность можно установить лишь по прошествии какого-то времени, как совершенно справедливо на это указывает Павлов: «Если даже постмодерн как эпоха или как доминирующий стиль в культуре закончился в 2000–2001 гг., должно пройти как минимум 25–30 лет, чтобы можно было делать какие-то выводы о том, что будет называться “метамодерном” или как-то еще» [там же, с. 14].

Что же такое метамодернизм? Некая новая «структура чувства» и культурная логика современного капитализма, которая функционирует «между», «наряду» и «после» модерна и постмодерна, осциллируя от созидания к разрушению, от искренности к иронии, от серьезности к насмешке... Это «не бинарность, как и разделяющий их континуум, – пишут Вермюлен и ван ден Аккер, – не равновесие, но маятник, качающийся между различными крайностями» [2, с. 62]. Авторы-метамодернисты, как правило, описывают и анализируют новые веяния и новую чувственность в частных случаях современного искусства. И, хотя большая часть текстов вышеупомянутого сборника посвящена литературе, кинематографу и фотографии, социально-политическая проблематика не чужда метамодернизму уже потому, что само его возникновение вполне отчетливо связывается именно с этой проблематикой.

Так, Вермюлен и ван ден Аккер, размещая начало нового исторического витка на рубеже тысячелетий, акцентируют внимание на двух симптоматичных процессах, стимулированных недовольством и разочарованием в неолиберализме. С одной стороны, это «цикл противостоя-

ния властям», включающего сетевые общественные движения протеста против экономического неравенства и нарушения демократических свобод: альтерглобализм, протесты в Греции, движение Оссуру, и т. п. С другой стороны, это подъем правых популистских движений в Европе и США, спровоцированный иммиграционными проблемами, антиисламскими настроениями и риторикой сохранения национальных идентичностей: «Движение чаепития» в США, французский «Национальный фронт» Марин Ле Пен, и др. Всё перечисленное вкупе с террористическими атаками 11 сентября, становлением ИГИЛ¹, иракской войной (2003–2011), мировым финансовым кризисом 2008 г. и экологическими проблемами, по мнению названных авторов, снова привело в движение колесо Истории. Той Истории, конец которой в связи с установлением либеральных демократий провозгласил постмодернизм известной концепции Ф. Фукуямы.

Далее утверждается, что характеристикой этого нового исторического поворота является реконфигурация неолиберализма или очередная модернизация капитализма, вызванная повсеместной компьютеризацией и распространением социальных сетей. В этих условиях «окончательно еще не выкристаллизовавшегося» нового капитализма и формируются новая структура чувства, новая культурная логика и «новый метамодернистский режим историчности, определяющей чертой которого является то, что его настоящее – в попытке вернуться в свое стойло – открывается для возможностей прошлого, равно как и для возможных вариантов будущего» [3, с. 88]. Иными словами, конструируется отношение напряжения между неопределенностью постмодерна и его сомнением в универсальных смыслах, с одной стороны, и модернистским желанием этот смысл всё-таки определить и отыскать – с другой.

В широкой политической перспективе метамодернизм нельзя назвать замысловатым: образ диалектически осциллирующего маятника в данном случае уже дает нам общую картину: метамодернистское видение текущего момента сводится к перспективам как левой, так и правой, как радикально антиавторитарной, так и ультраэлитарной политики. В настоящее время мы всё еще можем наблюдать два обозначенных полярных процесса и ту же их причину. Согласно исследованию, опубликованному в январе 2020 г. пиар-компанией «Edelman», больше половины людей во всём мире разочарованы в капитализме, с сопутствующими ему неравенством доходов, туманными перспективами на рынке труда, коррупцией [4]. Многочисленные протесты по всему миру (Франция, Гонконг, Россия, Чили, Индия и т. д.) включают в себя как левую, так и правую повестку, и, учитывая далеко не всегда мирный характер этих протестов, скорее можно говорить о пылающих огнем войн и революций качелях, чем о гармонично покачивающемся маятнике.

Если же обратиться к частностям и нюансам, интересным представляется то, что метамодернизм, судя по всему, реанимирует понятие клас-

¹ Организация запрещена в РФ по решению Верховного Суда.

са, которое объявлялось постмодерном неактуальным, и, соответственно, проблематику классовой борьбы. В процессе перехода к окончательной кристаллизации нового капитализма Вермюлен и ван ден Аккер отмечают, что «только классовая борьба может определить тот курс, которым мы, как то или иное общество, пойдем по пути, избилующем ответвлениями, – налево “зелёные”, направо опять же неолибералы (возможно, не без некоторой фашистской окраски)» [2, с. 76–77]. Несмотря на то что тема классовой борьбы больше никем из авторов не обсуждается, даже этого мимолетного замечания достаточно, чтобы, если и не утверждать окончательно, то спрогнозировать большую вероятность актуализации леворадикальных идей, подчеркивающих движущую роль классовых антагонизмов.

Однако и правый радикализм, как то бывало в прошлом, и не без успеха, с тем же воодушевлением может использовать социально-классовую риторику. В этом контексте релевантным предстает анализ политики постправды, в режиме которой, согласно статье С. Брауза, «достоверность того, что говорит тот или иной человек, значит куда меньше той степени, в которой он сам в это искренне верит» [5, с. 387]. И, хотя такого рода политика и риторика ассоциируется преимущественно с правым популизмом (современным образцом которого часто считают Президента США Дональда Трампа), Брауз связывает ее истоки с социал-демократией Великобритании конца 1990-х гг. и анализирует эту политику-риторику на примерах лейбористов Тони Блэра и Джереми Корбина. Хотя, отмечая примат «правдоподобия» над правдой, метамодернизм и демонстрирует обеспокоенность сегодняшней политикой – без однозначных, впрочем, оценок, – вполне уместно задаться вопросом: неужели такие стратегии не применялись политиками раньше?²

Тот же вопрос в общих чертах можно задать Й. Хейзеру, текст которого посвящен стратегиям современных военных конфликтов, именуемым супергибридностью и неодновременностью. В частности, Хейзер обнаруживает эти стратегии в практиках вышеупомянутой запрещенной в РФ организации, которая для привлечения неофитов использует в своих умело смонтированных пропагандистских роликах эстетику видеоигр и даже размещает в социальной сети Instagram фотографии с котятами с целью имитировать некое подобие задушевности и положительных эмоций. «Бредни о чистоте и очищении, внутренне присущие тирании и крайней жестокости, ищут оправданий в мифическом прошлом, одновременно пользуясь технокультурным настоящим» [6, с. 154]. Опять же, мы можем усомниться в том, что подобные стратегии, практики и манипуляции («Война стала праздничной авантюрой для социопатов, которых призвали на службу и включили в зону своего влияния <...> высокопоставленные интриганы» [там же, с. 172]) суть явления исклю-

² И не только политиками. Примером подобной «постправды» может служить и знаменитое гегелевское «Тем хуже для фактов», высказанное в ответ на замечание о несоответствии его философской теории фактам действительности.

чительно XXI в. В то же время, судя по смыслу статьи, Хейзера беспокоит присвоение «интриганами» именно современных технологий децентрализованного обращения информации, а также гибридных культурных техник, которые вследствие такого циничного заимствования утрачивают потенциал освобождения и раскрепощения, который был присущ им изначально. Тем не менее сама постановка проблемы отсылает нас к леворадикальной теории ситуационизма с ее критикой капиталистической рекуперации – свойства капитализма присваивать и делать частью себя (т. е. товаром) всё что угодно, включая концепты и практики, направленные против капитализма как такового. Разница только в том, что задумывавшиеся как эмансипативные, технологии превращаются не только в товар, но и, по Хейзеру, в способы вовлечения людей, включая молодежь как активного потребителя разнообразного интернет-контента, в кровавые военные конфликты во имя крайне сомнительных целей.

Столь мрачная картина, однако, не дает Хейзеру повода отказываться от идей экономического, социального и нравственного прогресса, пускай и с учетом их хрупкости перед вызовами общественных антагонизмов. И в этом стоическом моменте вполне уместно перекинуть своеобразный мостик от «реальной политики» к вопросу о метамодернистской субъективности – о мироощущении субъекта и политических эффектах этого мироощущения. Так, в статье психолога М. С. Гусельцевой, вышедшей годом ранее рассматриваемого сборника, говорится о зарождающейся метамодернистской тенденции «синтетического мышления – к целостности через антиномию». Это новое мироощущение «предлагает более спокойный и уверенный, оптимистический взгляд на происходящие перемены», поскольку «в потоке стремительно изменяющейся и непредсказуемой жизни долгосрочные перспективы оказались бы ригидными и эволюционно не обоснованными: нельзя запланировать неожиданность, регламентировать спонтанность и творчество. В этом ракурсе укоротить горизонты планирования и перенести эпицентры внимания в настоящее – здоровая реакция психики человека на трансформации современности» [7, с. 334–335].

Добавим к этому философскую, постпозитивистскую модель субъективности, которую предлагает Э. Гиббонс, – субъективность, фиксирующую напряжение между модернистским эссенциализмом и постмодернистским отрицанием какой бы то ни было фиксированной, предзаданной сущности. Подобное напряжение обуславливает то, что, «с одной стороны, современной индивидуальностью движет желание приобрести значимый эмоциональный опыт, с другой – она осознает искусственный характер такого опыта особенно в том, что касается социальных категорий индивидуальности» [8, с. 219].

Если же теперь перевести тему метамодернистской субъективности в политическую плоскость, то ее положение кажется довольно проблематичным. На наш взгляд, спокойное и оптимистичное мироощущение такого субъекта на практике чревато политическим оппортунизмом, мотивированным всё тем же колебанием. Попытка синтезировать противо-

положные, даже противостоящие полюса метамодернистского маятника с целью «укоротить горизонты планирования» может привести не к созданию некоего монолитного политического образа реального, но скорее к формированию непоследовательных и по существу демагогичных «лево-правых» идеологий и движений (о нежизнеспособности таких движений см. [9]). Этому способствует и сама логика метамодернистского дискурса: либо и то и другое, либо ничего. Политическая субъективность в данном случае отталкивается либо от пассивной приспособляемости к различным идеологиям, либо от нигилизма. Гиббонс своей моделью индивидуальности также, по нашему мнению, очерчивает эту нестабильную перспективу: желание опыта (политического, в нашем случае) и вместе с тем осознание искусственности или сконструированности такого опыта смешиваются в настроение известного советского мульт-персонажа с его девизом: «И так сойдёт!» Другими словами, потворствующий своему желанию субъект метамодерна не способен четко определить свое место в политической системе координат, а потому лишь поверхностно нащупывает в этих координатах искомый опыт, переходя от одного к другому, всерьез не воспринимая ни одного. Отсюда и оппортунистическая логика.

Здесь мы также могли бы заметить, что подобное мироощущение вряд ли можно отнести исключительно к XXI в. В то же время, как некое общее, глобальное умонастроение и поведение так называемых «миллениалов», эта тенденция, быть может, действительно заслуживает метки современности. Фактически, несмотря на новейшие преобразования, рынок «продолжает разжевывать убеждения и ценности», требуя от субъекта «убеждений, зависящих от обстоятельств» и культивируя «искреннюю заинтересованность, внутреннюю мотивацию и ревностную старательность» на своем рабочем месте, как на это справедливо указывает в своем тексте Ли Константину [10, с. 255]. Пожалуй, способствует названной оппортунистической логике и клиповое мышление, сопровождаемое поверхностным сиюминутным восприятием мира, точнее, его частей, фрагментов, осколков.

Впрочем, метамодернистская субъективность может быть истолкована и в более позитивном ключе, если сопоставить ее с некоторыми современными тенденциями в антиавторитарной политической мысли, в частности, в анархизме, а если совсем конкретно – в теории постанархизма. Его отказ от эссенциализма в пользу контингентной модели субъективности при одновременном сохранении либертарного этоса (включающего желание бунта и построения общества без государства) коррелирует с упомянутым Дж. МакДауэллом метамодернистским настроением «непокорного оптимизма, обязательства и искреннего участия перед лицом имплицитно признаваемого потенциала для отчаяния, крушения иллюзий или ироничной отстранённости» [11, с. 119]. Иначе говоря, встроенный в антиавторитарный дискурс метамодернизм говорит и о романтической (точнее, неоромантической) приверженности идеалам, и об отсутствии гарантий их осуществления.

Кроме того, нельзя не обратиться к теме утопии, о переосмыслении которой также говорит современная анархистская мысль, настаивающая на «утопизме безотлагательного, утопизме здесь и сейчас, основанном на возможностях сообщества, которое уже существует, и всё же чей образ жизни предполагает то, чего не существует или пока еще не существует», как описывает это С. Ньюмен [12, р. 163]. История после постмодерна не имеет какого-либо обязательного предназначения и, тем более, исключительно позитивного предназначения, в понимании чего метамодернизм также резонирует с современной антиавторитарной политикой. В своих «Заметках...» Вермулен и ван ден Аккер писали, что метамодернизм признает неосуществимость предназначения истории, потому что такового не существует. «Тем не менее он подходит к этому с позиции *как если бы* предназначение истории могло существовать. Вдохновленный современным простодушием, но при этом просвещенный скептицизмом постмодерна, метамодернистский дискурс сознательно вверяет себя невозможной возможности» [13].

Стоит напомнить, что представители метамодернизма не исключают вероятности крайне правого поворота в новейшей политической истории, которая, как уже говорилось, восприимчива *ко всем* вариантам прошлого для их осуществления в настоящем. А потому и глобальные политические прогнозы носят зачастую прямо противоположный характер. Так, современный теоретик государства Б. Джессоп говорит об эрозии формальных демократических институтов и содержательных демократических практик, которая, вероятно, будет сопровождаться «усилением тенденций в направлении авторитарного этатизма с более решительным поворотом к милитаризации и созданию полувоенных формирований, а также значительно усиленного “государства сверхнадзора”» [14, с. 452]. Вместе с тем «Bloomberg», одно из крупнейших в мире информационных агентств, специализирующихся на финансово-экономических новостях, с учетом характера современных протестных движений предрекает возрождение и распространение политического анархизма с его акцентом на прямой демократии, т. е. отрицанием представительных институтов и партий, самоуправления и т. д. [15]. Оба этих прогнозируемых процесса вполне соответствуют метафоре маятника и могут осуществляться либо последовательно от одного к другому, либо одновременно как реакция друг на друга.

В любом случае для констатации какого-либо спокойного оптимизма (о котором пишет Гусельцева и о котором *не* пишут метамодернисты) явных поводов нет. Сама же метамодернистская теория, по точной формулировке Р. Эшелмана, стремится занять «выжидательную позицию» [16, с. 450], нежели реально осциллировать, т. е. систематически занимать, отбрасывать или синтезировать противоположные позиции. Тем самым она лишь констатирует некую колеблющуюся «структуру чувства» и, согласно Павлову, остается преимущественно эстетической концепцией, не охватывающей всех аспектов культуры предполагаемой

четвертой стадии капитализма – опять же, если только допустить наступление таковой, поскольку подробного описания уникальности этого капитализма (чьим стержнем так и остаётся прибыль) метамодернизм пока не дает. Проблематизация же политического в метамодернистском дискурсе могла бы способствовать большей его конкретности и актуальности. В случае, конечно, если метамодернизм действительно желает окончательно преодолеть состояние постмодерна.

Литература

1. Павлов А. Образы современности в XXI веке : метамодернизм / А. Павлов // Логос. – 2018. – Т. 28. – № 6. – С. 1–19.
2. Аккер Р. ванн ден. Периодизируя 2000-е, или Появление метамодернизма / Р. ванн ден Аккер, Т. Вермулен // Аккер Р. ванн ден. Метамодернизм. Историчность. Аффект и Глубина после постмодернизма / [пер. с англ. В. М. Липки ; вступит. ст. А. В. Павлова]. – М. : РИПОЛ классик, 2019. – С. 39–82.
3. Аккер Р. ванн ден. Историчность метамодерна / Р. ванн ден Аккер // Аккер Р. ванн ден. Метамодернизм. Историчность. Аффект и Глубина после постмодернизма / [пер. с англ. В. М. Липки ; вступит. ст. А. В. Павлова]. – М. : РИПОЛ классик, 2019. – С. 85–90.
4. Тимофеева Е. Исследование : больше половины людей в мире разочаровались в капитализме [Электронный ресурс] / Е. Тимофеева. – URL: <https://snob.ru/accidents/issledovanie-bolshe-pолоviny-lyudej-v-mire-razocharovalis-v-kapitalizme/>
5. Брауз С. Между правдой, искренностью и сатирой : политика постправды и риторика аутентичности / С. Брауз // Аккер Р. ванн ден. Метамодернизм. Историчность. Аффект и Глубина после постмодернизма / [пер. с англ. В. М. Липки ; вступит. ст. А. В. Павлова]. – М. : РИПОЛ классик, 2019. – С. 386–418.
6. Хейзер Й. Супергибридность : одновременность, сотворение мифов и многополярный конфликт / Й. Хейзер // Аккер Р. ванн ден. Метамодернизм. Историчность. Аффект и Глубина после постмодернизма / [пер. с англ. В. М. Липки ; вступит. ст. А. В. Павлова]. – М. : РИПОЛ классик, 2019. – С. 151–180.
7. Гусельцева М. С. Метамодернизм в психологии : новые методологические стратегии и изменения субъективности / М. С. Гусельцева // Вестник С.-Петерб. ун-та. Психология. – 2018. – Т. 8. – Вып. 4. – С. 327–340.
8. Гиббонс Э. Аффект метамодерна / Э. Гиббонс // Аккер Р. ванн ден. Метамодернизм. Историчность. Аффект и Глубина после постмодернизма / [пер. с англ. В. М. Липки ; вступит. ст. А. В. Павлова]. – М. : РИПОЛ классик, 2019. – С. 213–220.
9. Бученков Д. Почему невозможна «право-левая» идеология [Электронный ресурс] / Д. Бученков. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pXz66TaLd3I>
10. Константину Л. Четыре лика постиронии / Л. Константину // Аккер Р. ванн ден. Метамодернизм. Историчность. Аффект и Глубина после постмодернизма / [пер. с англ. В. М. Липки ; вступит. ст. А. В. Павлова]. – М. : РИПОЛ классик, 2019. – С. 221–256.

11. МакДауэлл Дж. Метамодерн, «quirku» и кинокритика / Дж. МакДауэлл // Аккер Р. ванн ден. Метамодернизм. Историчность. Аффект и Глубина после постмодернизма / [пер. с англ. В. М. Липки ; вступит. ст. А. В. Павлова]. – М. : РИПОЛ классик, 2019. – С. 91–121.

12. Newman S. The Politics of Postanarchism / S. Newman. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2010. – 200 p.

13. Вермюлен Т. Заметки о метамодернизме [Электронный ресурс] / Т. Вермюлен, Р. ванн ден Аккер. – URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/>

14. Джессоп Б. Государство : прошлое, настоящее и будущее / Б. Джессоп ; пер. с англ. С. Моисеева ; под науч. ред. Д. Карасева. – М. : Дело : РАНХиГС, 2019. – 504 с.

15. Mishra P. A Global Anarchy Revival Could Outdo the 1960s. Protests in India mark another outbreak of bitter conflicts between ordinary citizens and authorities [Электронный ресурс] / P. Mishra. – URL: <https://www.bloomberg.com/amp/opinion/articles/2019-12-18/a-global-anarchy-revival-could-outdo-the-1960-s>

16. Эшельман Р. Заметки о перформативской фотографии : познание красоты и трансцендентности после постмодерна / Р. Эшельман // Аккер Р. ванн ден. Метамодернизм. Историчность. Аффект и Глубина после постмодернизма / [пер. с англ. В. М. Липки ; вступит. ст. А. В. Павлова]. – М. : РИПОЛ классик, 2019. – С. 419–468.

Забайкальский институт железнодорожного транспорта – филиал Иркутского государственного университета путей сообщения

Поляков Д. Б., кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук

E-mail: poldmit89@mail.ru

Transbaikal Institute of Railway Transport – Branch of the Irkutsk State Transport University

Poliakov D. B., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Humanities Sciences Department

E-mail: poldmit89@mail.ru